

Лит. Россия. — 1995 — 17 февр.

НОВЫЙ ГОГОЛЬ

С. 12.

И ТАК, явление нового Гоголя состоялось! И даже в наши смутные времена явление это не пройдет незамеченным.

«Так уж и нового?!» — воскликнет или возразит всезнающий читатель.

«Да, — смеем заверить, — н о в о г о!»

За все годы, минувшие с 1852-го не было столь полного издания. Кроме духовной прозы Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной литургии» и ряд значительных статей), в настоящий девятитомник включены и никогда ранее не публиковавшиеся произведения и материалы общим объемом более 25 печатных листов — это и «Церковные песни и каноны», и «Выбранные места из творений святых отцов и учителей Церкви», и «Выписки из Кормчей книги», и статья «О неве и безгневии», и «Разные дела по части Гоголя».

Бесспорно, может показаться странным или даже невероятным — писатель, классический для всего читающего мира, а издавался в столь урезанном виде. Однако в нашей жизни нет ничего невероятного: у нас и Достоевский в полном издании вышел лишь после 100-летия со дня его кончины, а все славянофилы, Лесков и до сих пор не удостоены академических или полных изданий.

Гоголь — по-своему единственный в отечественной и мировой литературе писатель, его ни с кем нельзя ни сравнить, ни сопоставить; он и в своем творчестве дважды по одной дороге не проходил. Каждым своим произведением он как бы определяет особые пути развития национальной литературы. Так от Гоголя пошла и новая русская публицистика, о чем будет сказано ниже.

Имея под рукой настоящее издание, мы без труда убедимся и в том, что наряду со скрупулезной отделкой и доводкой своих творений наш классик вел и огромную подготовительную работу: это касается и его повестей, и поэмы «Мертвые души», но особенно многотрудная подготовительная работа связана с духовной прозой писателя. Прodelывалась буквально неохватная работа — сколько же прочитано, скажем, святоотеческой литературы, если только выписки сами по себе могли бы составить солидную по объему книгу! А работа по словарю и фольклору, а исторические извлечения и записи!.. И теперь все это собрано, издано, что и обогащает, и проясняет творческую личность Гоголя.

Отрадно и то, что поэма «Мертвые души» наконец-то предстает в принципиально ином толковании. Вот уж поистине Воропаев с Виноградовым открывают глаза читателю. После стольких лет подтасовок и умолчаний начато, слава Богу, подлинное освоение этого широкомасштабного произведения. С нелегкой руки революционно-демократической прессы мы воспринимали содержание поэмы как натурально-реалистическое отражение национальной действительности. Другими словами, собакевичи и плюшкины трактовались или преподносились как единственно типичное русское явление. А уж в дореволюционную пору с детства нам вливали отраву в уши: вот такой чичиковская матушка-Россия и была — вот и свершили в 1917 году очистительный переворот великие интернационалисты и т.д. И мы, наглотававшись с детства этой отравы, уже и не способны были задуматься о том, что чичиковщина и «Мертвые души» в целом — это не только и даже не столько Россия, сколько Западная Европа, насквозь уже и тогда пронизанная так называемым делом и наживой, то есть деланием денег из воздуха, чему лишь сегодня взялись демократы обучать Россию Чичиковщина для России сегодня — живое явление; сегодня чичиковы в прямом смысле взяли за горло православную Россию. Увы, мы только теперь пытаемся освоить богатое наследие писателей девятнадцатого века.

Большого непонимания, какое суждено было пережить Гоголю с его «Выбранными местами из переписки с друзьями», трудно найти в истории мировой литературы. Белинский только сформулировал в своем истерическом письме яросте прозападных современников; ведь читающая Рос-

сия в основном согласилась с критикой, и только глубоко православная или подвижническая интеллигенция смогла уже тогда понять или подняться до понимания Гоголя — Пушкин, Плетнев, К. Аксаков, Григорьев. В целом же Гоголя не восприняли ни свои, ни чужие — и это, пожалуй, закономерно: Гоголь работал на стыке мирского и церковного, Гоголь был, может быть, первым светским православным писателем, он в истоке определял пути развития национальной литературы, — и понять это тотчас оказалось не по силам. До православного Гоголя XIX век не смог подняться.

Впрочем, непонимание Гоголя началось задолго до «Выбранных мест». В какой-то мере по объективным причинам не был понят и первый том «Мертвых душ» — Гоголь надеялся во втором и третьем томах раскрыть «свою тайну». Однако этого не случилось. Зато несколько объективнее смотрим мы на «Мертвые души» сегодня, когда есть возможность ознакомиться с материалами, непосредственно относящимися к поэме. И, право же, не столь трагичным выглядит сожжение второго тома «Мертвых душ», если вслед за первым томом мы прочтем «Выбранные места из переписки с друзьями» — фигурально говоря, это и есть второй том сочинений, в нем идет речь о живых душах. (О духовной прозе Гоголя мне уже приходилось писать на страницах «Литературной России», так что повторяться, видимо, нет надобности.) И, наконец, только в полном объеме имея Гоголя, мы с очевидностью можем понять, что он является и основоположником русской православной публицистики. Именно после «Арабесок» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» стали возможны «Дневник писателя» Достоевского и, хотя и вывернутое наизнанку, духовное учительство Л. Толстого...

Как уже отмечалось, Гоголь во всяком начинании был нов и самобытен. Вот и в публицистике он указал ее национальное направление и развитие. Кстати, любопытно отметить: на Руси до XIX века не значилось так называемой интеллигенции, но зато

было подвижничество что, несомненно, и точнее, и глубже определяло вес человеческой личности. Признавалось и поощрялось подвижничество, а не образовательный ценз. Именно с Петра I подвижничество в миру и в Церкви активно разрушалось, в процессе чего, естественно, и формировался интернациональный интеллигент чиновничьего типа. В Церкви, даже синодальной, национальная форма возобладала, что и было отмечено началом возрождения старчества — Паисий Величковский, Саровский и Оптинский монастыри... Сложнее возрождение складывалось в миру. Западники отказывались от веры, от Православия; национальные силы к нему тянулись. Подвижничество всегда исходило из Церкви, а так как основой церковной публицистики оставалась и остается проповедь, то, естественно, форму проповеди использовали в своем творчестве писатели-подвижники. (Изумительная тема для исследования: проповедь и публицистика подвижников в Церкви и в миру.)

Наиболее успешно совместил церковную проповедь со светской публицистикой именно Гоголь, именно в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Потому-то интеллигенция и не восприняла Гоголя, что он открыто шел от завета и предания Церкви. А они отрицали Церковь.

Любопытно будет указать и на развитие гоголевской публицистической школы. И конечно же, в первую очередь следует обратиться к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского. И у Достоевского не просто публицистика, но и проповедь, и указующий перст проповедника. Понятно, уже сделан значительный шаг вперед в развитии жанра: с одной стороны, отказ от эпистолярной публицистики, с другой, — расширение или объединение ее жанровых приемов.

Если до времени не затрагивать толстовскую ересь, то формально вполне очевидно, что и Толстой-публицист продолжает Гоголя. Даже «Круг чтения» — прямое продолжение Гоголя. Но если у Гоголя круг чтения строится на святоотеческой литературе, то у Толстого вовсе нет Правосла-

вия, такая мировая всеядность, беспочвенный интернационализм. Однако проповедь и у Толстого присутствует всюду... Многих писателей можно было бы перечислить в связи с гоголевской публицистикой, но остановимся лишь на творчестве нашего современника В. Белова, конкретно — на его книге «Лад». Вывод же сделает сам читатель: раскройте «Лад», рядом положите 8-й том Гоголя. Просмотрите хотя бы разделы «Заметки о крестьянском быте» и «Мелочи. Биографическое. Альбомные записи. Записные книжки». Уже и заголовки говорят сами за себя: «О старинных русских свадьбах», «Одежда и обычаи русских», «О почве», «О черноземе», «Хлебопашество», «Садоводство», «О крестьянском жилище» и т.д. Прямо ли от Гоголя шел Белов или самостоятельно вынашивал свой «Лад» — принципиального значения не имеет. Бесспорно в любом случае, что Белов (кстати, тоже подвижник) спустя сто пятьдесят лет продолжил то, что обозначил и на что указал Гоголь. Право же, завидная и достойная преемственность.

Можно бы еще и еще делать текстовые «открытия» — и все это лишь от полноты издания Гоголя. Однако, может быть, и не это главное. На наш взгляд, главное все же кроется в новом прочтении Гоголя — в прочтении с православных позиций. Нас ведь без малого век начинали атеистическим Гоголем. Вопреки очевидному — сатирик и атеист. А то, что в конце жизни бичеватель России раздвоился, так это уже в то время, когда писатель помрачился и поп Матфей доконал его. И уже тогда, в XIX веке, зародилась версия о «двух Гоголях». Смеем заверить, что никаких двух Гоголей не было, был один до изумительности целостный православный писатель.

В новом прочтении Гоголя заслуга целиком принадлежит составителям и авторам научного аппарата издания — это сделали весьма молодые ученые В. А. Воропаев и И. А. Виноградов (не путать с И. И. Виноградовым!). Предисловие, послесловия к произведениям и примечания порой буквально ошеломляют. В итоге вся революционно-демократическая грязь, которой за полтора века обляпали писателя, вся эта грязь пластом отпала, и Гоголь предстал в изумительной чистоте и новизне — никакого помешательства, никакой раздвоенности! (Кстати, теперь становятся крайне необходимыми дополнительные материалы и сведения о протоиерее о. Матфее и А. П. Толстом — их тоже не щадили демократы и коммунисты.) Вводит в научный оборот и русское зарубежное литературоведение (Д. Чижевский, В. Зеньковский и др.). Оказывается, там, в эмиграции, по Гоголю было сделано больше, чем советскими литераторами за все годы коммунистического режима. Это и понятно, атеисты не позволяли говорить о Гоголе православном, а без Православия нет Гоголя.

Но меняется не только общий взгляд на личность и творчество художника, меняются и оценка, и восприятие как отдельных его произведений, так и всех сочинений.

Вот так нам предстоит заново прочесть всю литературу XIX века, и в первую очередь — Пушкина.

Заканчивая этот отзыв, хотелось бы сказать благодарственное слово тем, кто организовал и осуществил настоящее издание Гоголя.

Как-то в связи с отставкой министра печати Б. С. Миронова в бульварной прессе писали о нем, некогда директоре издательства «Русская книга», что вот ведь какой Миронов пакостный человек: вместо того, чтобы для учащихся учебники издавать, издал Гоголя да И. Ильина. Видимо, до этих деревянных голов из бульварного райка не доходит, что новый Гоголь — это и есть истинный учебник для учащихся. Что же до Миронова, то настоящий Гоголь может оказаться лучшим из всего, что за всю жизнь будет сделано этим человеком как издателем.

Воропаев же и Виноградов совершили буквально подвижнический труд. Обычно, когда готовится академическое издание (и любое много-томное), на подготовку уходит не один год работы целого коллектива. Настоящее издание, с новым научным аппаратом, подготовлено и издано двумя учеными буквально за один год. Вот это и есть подвижничество. Господи, значит еще жива Россия.

Борис СПОРОВ